

Архиепископ НИКАНОР

Памятная записка

Прежде смерти умерший иеромонах Валериан

Чуткость совести, присущая монашеству всегда, в последнее время стала способна переходить в болезненность, в помертвение, в ожесточение, в отрицание обязательности монашеского идеала, даже в противоборство этому идеалу. <... Рассказывали об одном ученом монахе, что вот он читает урок в классе пред учениками, вдруг найдет на него мрачная минута — и он начнет кланяться ученикам в ноги до земли и просит у них прощения. О другом рассказывали, что в минуту душевного омрачения он начинал бредить наяву и в бреду рассказывать людям свои сокровенные грехи. В более же гордых и крепких натурах это чувство начинает сказываться в роковом: «не могу и не хочу»; не могу двойтаться, не могу быть недостойным слугою Бога и в то же время тайным слугою Велиара; не хочу быть фарисеем, повапленным гробом; претит совесть приступить к престолу Божию с неумытым сердцем; нет душевной силы носить маску, легче и чествее скинуть ее с себя... Думаю, что на этой точке душевного расстройтва, выше ли, глубже ли ступенью, остановился именно отец Феодор Бухарев.

Туманность его мирозерцания, непосильный труд решить мировую задачу соглашения всех требований философствующего разума с требованиями положительной веры, а более — авторское самолюбие и упорство навлекли на него немилость начальства. Конечно, он увидел в этом глубокую неправду, увидел неспособность высших оценить напряжение углубляющегося ума, заветною мечтой которого было сослужить службу Церкви нашего мятущегося времени. И душа его почувствовала себя разбитою в самой дорогой привязанности к умственному труду, в вере в лучших людей, в вере в правду на земле, в возможность душевного мира и даже дозволенного монаху счас-

тъя самозабвения в углублении в науку, в борьбу идей, в стремление оказать посильное содействие победе верующего духа над современным отрицанием. Труд отвергнут, усилия его охаяны свыше, сам он послан в монастырское изгнание, с тем чтобы там дотянуть свой век до жалкого конца бесследно, бесплодно. В изгнании потребность какого-либо умственного занятия — а эта потребность у привыкших к умственному труду дает о себе знать, как и потребность пищи, — потребность умственного занятия повела к сближению с сочувствующей ему юною особой другого пола, которой он стал давать какие-то уроки. Сближение породило сердечную склонность, которая перешла в половую любовь. Любовь же породила в этой мистически напряженной и оттолкнутой своими братьями душе чувство раздвоения, о котором мы говорили, чувство, что нечестно и недостойно носить имя монаха, когда сердце бьется и горит человеческою любовью, — что гораздо честнее заявить себя пред Богом и миром в истинном свете человека, с его естественными, благодарованными потребностями, чем быть тайным изменником обету, данному Богу, и явным фарисеем пред людьми. Поэтому о. архимандрит Феодор и снял с себя священноиноческий сан, не отказываясь, однако же, от христианских убеждений, то есть остановился на полпути. Болезненно чувствовалась тогда аномалия, почти неестественность, когда, бывало, читаешь на последней странице газет в массе объявлений странные воззвания: «О книге пророка Иезекииля» — А. Бухарева, или «О книге пророка Иоиля»¹ — А. Бухарева, продается там-то, цена такая-то. То были жалкие воззвания к людскому милосердию. То голод кричал о куске хлеба. То вопияла безнадежная, разочаровавшаяся самонадеянность, что можно заработать себе хлеб священномонашеским трудом без священномонашества. Увы! оказалось трудно до невозможности, до отчаяния. С этими произведениями он, бывший архимандрит Феодор, в жалком сюртучке и скуднейших невыразимых <?> нищего Александра Бухарева, вынужден был толкаться в столице по прихожим своих прежних братьев и сослуживцев, начиная с духовных цензоров, и выслушивать от них жесткие, но естественные и резонные речи: «Извините, г. Бухарев! Признаюсь, я и прежде никогда не был охотник до ваших туманных произведений, а теперь и того менее». Тяжело чувствовалось, конечно, и ему самому, как и всем, что его писания «О книге пророка Иоиля» и т. п., — это неестественные порождения архимандрита, снявшего сан. Но когда у того же лица от несчастного его брака родилось и естественное дитя и когда по России пронесся ше-

пот, что бывший о. Феодор и супруга его произвели и чадо на свет, то вынести этот всероссийский, в устах одних печально-стыдливый, а у других злорадно-насмешливый шепот... О! для этого нужны были виновнику его великие душевные силы... Их-то и не хватило. Да не знаю, у кого бы их и хватило в тех же условиях, когда отворачиваются все и все. Первыми отшатнулись сами родители увлекшейся порывистою идеальностью жены нищего, бесправного «расстриги», который своим бедственным шагом приобрел одно только бедственное право на народное посмеяние, потеряв все прочие солидные преимущества сана. Справедливо ль оно — это посмеяние, или нет — это вопрос; но оно — печальный, неотвратимый пока факт. Вот недавно священник снял сан; временно приютился у друга священника, сидит у него неделю-другую в сюртуке и бренчит на фортепиано. А тот ему и говорит наконец: «Ужели же ты снял священство, чтобы сидеть без дела и бренчать?» Тот поступил приказчиком к книготорговцу, оттуда скоро прогнан и т. д. — до смерти под забором... Кстати, этот священник, уже подав просьбу о снятии сана, уже почти приговоренный, незадолго до фактического снятия сана вызвался было отслужить литургию и не дослужил, на половине обедни вынесен из церкви без чувств. А человек совсем здоровый, даже крепкий. Так — родители жены бывшего о. Феодора первыми отшатнулись от дочери, от зятя и от несчастного рода их. Жена, понятно, чахнет под бременем жизни. Дитя в колыбели плачет и о себе напоминает. Есть всем трем нечего. Общественного положения никакого, кроме общего отвержения. Оставалось только протянуть руку за милостыней, и она протянута, и всех трех их приютил у себя на хлебах какой-то родич Бухарева, чуть ли не сельский дьячок. Стыд гостей-нахлебников пред беднотой и тяготой хозяина, быть может и пред грубостью, новый невыносимый бич для бывшего высокообразованного архимандрита и бывшей дочери предводителя дворянства. Говорят, Святитель Московский Филарет подавал им милостыню. Натура бывшего о. Феодора не выдержала и сломалась. С глубоким сердечным покаянием этот истомленный человек, этот вольный-невольный беспросветный страдалец, с надеждой на всестороннюю правду и утешение только в небе, предал многострадальный дух свой в руки Отца Небесного.

